

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ И ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ

Р. А. МАРКАРЯН

Семантическое преобразование составляет основу процесса грамматикализации лексического значения. Процесс этот выражается в превращении лексически полнозначного слова в грамматическую примету или в отдельное служебное слово, входящее в аналитическую конструкцию.

Утрата словом лексического значения и превращение слова в грамматическую примету является принципиальной возможностью, которая может реализоваться в отношении очень небольшого числа слов. Семантическое содержание слова может оказаться содействующим этому процессу или противодействующим ему.

Семантический сдвиг является внутренним стержнем двух, на первый взгляд, противопоставленных процессов—грамматикализации лексического значения и лексикализации грамматической формы.

Как в одном, так и в другом случае происходит смысловой сдвиг, но направленность его бывает противоположной. При грамматикализации лексически полнозначное слово, утратив полностью или частично свою смысловую самостоятельность, начинает выступать в служебной функции, в функции формального показателя тех или иных грамматических отношений. При лексикализации же происходит обратный процесс—формальный показатель грамматических отношений приобретает смысловую самостоятельность и становится лексически значимой единицей. Смысловой сдвиг—основа обоих рассматриваемых процессов. В одном случае—смысловое «опустошение», в другом—смысловое «наполнение». Это оказывается возможным принципиально, а не по отношению ко всем конкретным случаям и именно из-за семантического противодействия.

С одной стороны, «в силу своего обобщенного, абстрагированного характера грамматика обладает способностью вовлекать в круг грамматических отношений явления лексические»¹, с другой стороны, «отдельные грамматические формы отрываются от своей парадигмы, становятся самостоятельными словами...»².

В качестве примеров, представляющих собой конкретные формы обнаружения процесса грамматикализации, могут служить аналитические конструкции современного русского языка.

Так, форма будущего времени глаголов несовершенного вида конструируется из спрягаемого вспомогательного глагола *быть* и лексически полнозначного инфинитива—*буду рассказывать (петь, говорить, высту-*

¹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. 1, стр. 46.

² Там же.

пать). В рассматриваемой аналитической конструкции первое слово—*быть*—несет грамматическую нагрузку. Это возможно потому, что лексическое содержание данного слова практически приравнивается к нулю—глагол этот является словом, выражающим бытийность, экзистенцию, факт существования. Именно эта «нулевая» или слишком отвлеченная и широкая семантика слова *быть* и позволяет ему выступать в роли служебного слова, грамматической приметы.

Словарная статья *быть* явственно указывает на слишком большую отвлеченность и обобщенность лексического содержания этого глагола. Ср.: 1. Существовать, иметься. 2. Присутствовать, находиться. 3. Происходить, случаться.

Даже при условии своей многозначности глагол этот остается в целом лексически очень отвлеченным и обобщенным, тем более, что частные значения его являются внутренне очень связанными. Система указанных значений семантически содействует употреблению этого глагола в качестве служебного члена аналитической конструкции. Такое употребление слова *быть* выделено в словарной статье как отдельное, последнее значение его.

Несколько примеров самостоятельного и служебного, формально-грамматического употребления глагола *быть*:

«Пуанкаре принимает нас не за тех, кто мы *есть*».
(Михаил Кольцов, Очерки и фельетоны)
«—В среду в Лондоне, в парламенте *будут* решаться судьбы правительства Макдональда». (там же).

В силу своей лексической «опустошенности» подобные слова обнаруживают определенное сходство с аффиксами. Но их полная принадлежность к аффиксам—морфемам не является доказанной, так же, как непосредственно связанные с этим вопросы—об аналитической конструкции, о форме слова, о цельнооформленности слова и т. д.—очень спорны и не находят единообразного истолкования. Против превращения вспомогательных глаголов в аффиксы-морфемы говорит сохранение ими всех своих грамматических глагольных свойств, напр. видовых, залоговых противопоставлений. В большинстве статей, посвященных вопросам грамматикализации, определению аналитических конструкций и форм, с полной определенностью отрицается возможность превращения формализованного глагола в морфему. Ср.: «...При превращении знаменательного глагола во вспомогательный глагол аналитической формы никакие его глагольные свойства не утрачиваются, изменения касаются только *лексического значения* (подчеркнуто нами.—Р. М.) и иного функционального использования. Все же грамматические показатели у вспомогательного глагола остаются те же, которые были свойственны и глаголу полнозначному»³.

³ В. Н. Ярцева, Об аналитических формах слова, «Морфологическая структура слова в языках различных типов», АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 56.

В качестве условий, говорящих против превращения вспомогательного глагола в морфему, называются признаки самостоятельного слова — отдельность, цельнооформленность, самостоятельность оформления, не локализованное употребление⁴.

Аналитические конструкции с глаголом — связкой принимают за форму, составляющую парадигматический ряд с синтетической формой. В пользу этого говорит такое понимание парадигматического ряда, при котором обязательными условиями будут: отсутствие иерархичности, регулярность образований, коррелятивный характер связи с синтетическими формами. С этой точки зрения аналитическими конструкциями будут считаться: «1) Сочетания, состав которых устойчив и компонент, являющийся служебным словом, не выпадает в определенных контекстуальных условиях. 2) Сочетания, соотносимые с теми или иными грамматическими разрядами слов. 3) Сочетания, коррелируемые с грамматическими формами и образующие ряд грамматических значений»⁵.

Как уже отмечалось, грамматикализации подвергаются слова с отвлеченным, широким лексическим содержанием. Так, наряду с бытийным, экзистенциальным глаголом *быть* называются глаголы, в содержании которых ослаблено значение конкретного действия или состояния, проявляющегося в той или иной промежуток времени. Таковы, напр., глаголы *иметь, пребывать, существовать* и др., т. е. глаголы со значением обладания, существования, становления, а также модальные глаголы. Не только по глаголам, но и по всем другим классам слов закономерность такова: отвлеченность семантики слова способствует его грамматикализации, формализации, конкретность семантики противодействует им. Чем отчетливее лексическое значение глагола, тем меньше степень грамматизации, тем менее отвлеченна связка. И наоборот. Однако очень существенным является следующее замечание Овсяннико-Куликовского, сделанное конкретно в связи со сказуемостной функцией причастий, но имеющее силу и в применении к другим однотипным явлениям. Ср.: «Чем это последнее (лексическое значение. — Р. М.) отчетливее, тем связка менее отвлеченна. Но нужно иметь в виду, что и при весьма отчетливом лексическом значении связка может достигнуть большой отвлеченности, если в данном предложении сознание говорящего игнорирует это значение, не останавливается на нем и, только пользуясь им как удобным способом изображения предикативной связи, спешит воспринять в качестве настоящего предиката тот признак подлежащего, который выражен причастием»⁶.

Грамматизация лексического значения в современном языке ярко представлена и в аналитических конструкциях степеней сравнения при-

⁴ См. В. М. Жирмунский, Аналитические конструкции в языках различных типов (тезисы докладов), Л., 1963; см. М. М. Гухман, О выделении глагольных аналитических конструкций, «Морфологическая структура слова в языках различных типов». См. М. М. Панфилов, К истории развития категории состояния или предикативов в русском языке, Красноярск, 1961.

⁵ Т. А. Бертагаев, Сочетание слов и аналитическая конструкция, «Аналитические конструкции в языках различных типов», стр. 12.

лагательного. Ср. *более удобный (смешной, хитрый, умный)* и *самый удобный (смешной, хитрый, умный)*, где в словах *более* и *самый* нет уже ничего лексически самостоятельного и наличествует только отвлеченная идея сравнения и превосходства. Ср. наречное употребление слова *более*: *не испытываю более жалости* и его служебное употребление в аналитической конструкции сравнительной степени—*более нелепого решения нельзя было принять*.

У местоимения *самый*, выступавшего при грамматизации в функции служебного компонента аналитической конструкции превосходной степени, значений больше, но все они не обладают большой конкретностью и лексической отчетливостью, что делает совершенно естественным его употребление, по существу, в функции частицы. Напомним эти значения: *Самый*—1.—Употр. для уточнения при слове «этот», «тот» в значении *именно*. 2.—Употр. для уточнения места и времени в значении *прямо, как раз*. 3.—Подчеркивает определяемое существительное в значении *сам по себе*.

Таким образом, у слова *самый* лексическая основа с самого начала кажется поколебленной.

Ср. использование указанного слова в грамматикализованном значении:

«В науке он пока мало известен, братьев и сестер у него нет, родители погибли в гитлеровском концлагере. Словом, *самый удобный* объект для похищения!»

(Я. Рыкачев, Дело Гельмута Шрамма)

Таким образом, и в этих случаях формализация осуществляется благодаря тому, что семантика слов оказалась способствующей этой формализации в силу своей широты и отвлеченности. «Грамматизация представляет результат абстрагирования (иногда более, иногда менее полного) от конкретного лексического значения, которое первоначально имело служебное слово; при этом обычно грамматизации подвергаются слова, имеющие сами по себе более широкое (общее) значение»⁷.

Принципиально так же протекает процесс грамматизации лексического значения при переходе знаменательных частей речи в служебные. Лексическое «опустошение» составляет основное содержание перехода наречий, предложно-именных конструкций, деепричастий в предлоги, наречий в частицы и т. д. Ср. омонимию слов, напр., *вокруг, согласно, в силу, в связи с, благодаря, исключая* в системе предлогов вторичного образования, а также омонимию слов, напр., *прямо, просто, решительно* в системе частиц.

⁶ Овсяннико-Куликовский, К вопросу о составном сказуемом из глагола-связки и предикативного атрибута в форме причастия настоящего (и будущего) времени, стр. 153.

⁷ Жирмунский, О границах слова, «Морфологическая структура в языках различных типов», стр. 25.

В указанных частицах наречного происхождения обнаруживаются сходные или совпадающие оттенки значения, между тем как в качестве наречий они очень далеко отстоят друг от друга в семантическом отношении и никак не могут проявить признаков близости и взаимозаменяемости. Ср. в плане сказанного наречное употребление указанных слов—*линия проведена прямо, он решил задачу просто, следует действовать решительно*.

Приведем словарные толкования этих слов:

Прямо—1. По прямой линии. 2. Непосредственно, минуя все другое, все промежуточное. 3. Перен. Откровенно, без задних мыслей, не скрывая. 4. Усилит. частица. Подлинно, действительно.

Просто—1. Частица усилит. Действительно, в самом деле. 2. Частица. Только, не что иное как. 3. Нареч. Как-то случайно, вообще.

Решительно—1. Нареч. Твердо, непреклонно. 2. Усилит. частица. Без исключения. 3. Нареч. Вовсе, совсем.

Сопоставление этих статей обнаруживает заметные расхождения в лексическом содержании слов в наречном их употреблении и почти полное совпадение служебного использования этих слов.

Только приглушив свои первичные самостоятельные лексические значения, указанные слова могли быть приравнены друг к другу в своем «нейтрализованном» служебном значении.

Семантический сдвиг, наблюдаемый в лексически самостоятельных, полнозначных словах, не всегда приводит к полному «выветриванию» значения, вызывающему крайнюю формализацию, грамматизацию слова. Может иметь место частичное ослабление лексического значения, в результате которого знаменательное слово может не получить служебного употребления, а, оставаясь знаменательным, перейти в класс с более отвлеченной знаменательностью.

Именно такой сдвиг наблюдается в местоименном употреблении существительных, напр., *дело, вещь, вопрос, человек, брат* и др. В отличие от служебных слов, лишенных «вещного» значения, в местоимениях это значение не отсутствует, а лишено самостоятельности. В местоименном употреблении названных слов происходит не ослабление лексического значения слова в целом, а временное, в данном употреблении, приглушение одних значений и выпячивание других или другого.

Ср. *вещь*—1. Всякое материальное явление, отдельный предмет, изделие и т. п. 2. То, что принадлежит к личному движимому имуществу. 3. О произведении науки, литературы, искусства. 4. Нечто, обстоятельство, явление.

Из приведенных значений последнее, самое отвлеченное, является местоименным.

Об этом типе читаем: «Может показаться, что в этих случаях происходит и грамматическое преобразование имен в местоимения и что соответствующие слова теряют связь со своими прежними классами. Но это не так... Новые местоименные существительные сохраняют все грам-

матические признаки своей категории (т. е. класса существительных), все особенности своих систем, форм, своих парадигм»⁸.

Будучи очень далекими друг от друга по своим лексическим предметным значениям, слова *вещь* и *дело* сглаживают смысловые различия в своем местоименном употреблении. В таком своем виде они относительно безболезненно в определенных разговорных контекстах речи могут замещать друг друга. Ср. *плавать—это чудесное дело (чудесная вещь)*.

В своем движении к полной формализации, выветриванию семантического значения, слово, таким образом, проходит различные стадии.

Небезынтересно отметить, что при прономинализации вещественно разные слова, напр., *дело* и *вещь*, *друг* и *брат* сходятся в своем местоименном значении, тогда как при адъективизации числительных одно и то же числительное *первый* приобретает разные качественные значения. Общим является во всех этих случаях лишь вопрос о семантическом основании. Адъективизируются не случайные, не все порядковые числительные исчисляемого ряда, а лишь некоторые из них, напр., *первый*, *второй*, *третий*, *десятый*. В них именно прослеживается такое семантическое основание—все они имеют помимо точного счетного значения (на единицу больше предшествующего члена ряда и на единицу меньше последующего) и значение переносное, несчетное, что позволяет им отрываться от счетного ряда и в каждом новом сочетании при перекрестном влиянии семантики второго слова сочетания выражать новые оттенки качественного значения.

С соответствующими изменениями положение о семантическом основании (семантическом содействии или противодействии) может быть отнесено и к явлениям переходности в системе знаменательных слов. «Если нет *внутренних лексических* (подчеркнуто нами—Р. М.) и грамматических изменений в слове, то говорить о переходе его из одной части речи в другую, основываясь лишь на его синтетическом функционировании, не следует»⁹.

Основу явления переходности в системе знаменательных частей речи составляет отмечаемое исследователями противоречие между лексическим значением слова и грамматическим его функционированием. Ср. несколько характерных в этом отношении высказываний:

«Условием адъективизации может быть противоречие лексического значения причастия с грамматическими категориями времени, вида, залога или утрата этих категорий»¹⁰.

«Поскольку глагольность изолированного (не имеющего зависимых слов) причастия поддерживается только семантически, постольку семантические сдвиги в сторону качественности для такового причастия яв-

⁸ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 325.

⁹ М. Ф. Палевская, Омонимия как следствие лексикализации отдельных грамматических форм и перехода слов из одной части речи в другую, РЯШ, 1960, 3, стр. 19.

¹⁰ В. Н. Кретьева, Переход причастий в другие части речи, РЯШ, 1955, 4, стр. 9.

ляются решающими его судьбу: они порывают его последнюю связь с глаголом, переводят в другую категорию речи»¹¹.

Или:

«Возможность и способность наречий выполнять функцию одноставных предложений зависит от их лексического значения; вполне естественно, что некоторые значения с этой функцией не совмещаются»¹².

Единодушие нарушается, как только исследователи переходят к вопросу о том, с чего именно начинается переходность — с лексического сдвига, с морфологического разрыва или с синтаксического функционирования. Прямо противоположными являются в этом плане высказывание М. Ф. Палевской, приведенное выше, и следующее высказывание Ф. Р. Травнича:

«Нельзя согласиться с тем, что вследствие изменения лексического значения слово *грех* «переставало быть существительным». Перемены в лексическом значении сами по себе никогда не могут быть причиной изменения значения слова как части речи. Такое изменение может вызываться только грамматическими причинами, точнее — синтаксическими изменениями в структуре предложения»¹³.

Несомненно, однако, что у слова для нового функционирования должно быть подготовлено семантическое основание.

Процесс лексикализации имеет различные проявления в языке. Брошается в глаза дробность частных типов лексикализации¹⁴.

При лексикализации формальных показателей действие семантического фактора сказывается в том, что лишенная вообще семантического содержания формальная примета становится выразителем определенной семантической идеи в результате того, что слово с этой приметой противодействует правильному формообразованию, нарушает грамматическую соотносительность, смысловой параллелизм в общем ряду. Происходит семантическое наполнение приметы, превращение ее из формообразующей морфемы в словообразующую. Ср., в категории числа нарушенный или неполный параллелизм в парах *вода-во́ды, бег-бега́, грязь-грязи, час-часы, лес-леса* при нормальной соотносительности типа *дом-дома́, студент-студенты*, в категории вида — *запеть-запевать, быть-бывать* при нормальной соотносительности — *одеть-одевать, спеть-петь*; в категории залога — *прощать-прощаться, носить-носиться* при нормальном залогообразовании типа *поднимать-подниматься, мыть-мыться* и т. д.

Во всех рассматриваемых случаях формообразующие морфемы становятся выразителями семантического содержания и можно говорить об их семантическом наполнении, об их лексикализации.

¹¹ С. Г. Бережков, К вопросу о переходе причастий в прилагательные, «Ученые записки Ленингр. гос. пед. института», 1939, т. 20, стр. 82.

¹² Ф. Травничек, Заметки о «Категории состояния», ВЯ, 1956, 3, стр. 50.

¹³ Там же, стр. 52.

¹⁴ См. Иштван Пете, Случаи лексикализации в русском языке, РЯШ, 1958, 3.

Ср.: *лес-лесā*.

Лес—1. Площадь земли, заросшая деревьями. 2. Собираемое срубленные деревья как материал.

Лесā—Временное сооружение из досок или металлических стержней для работ по возведению стен высокого здания.

Картина соотносительности имеет следующий вид: с одной стороны, нормальная парность по числу *лес-леса* (в первом значении слова *лес*). С другой стороны—беспарность. Беспарное слово *singularia tantum*—*лес* (второе значение) и беспарное слово *pluralia tantum*—*леса*.

При залогообразовании нарушение смысловой соотносительности—явление особенно распространенное. Как пишет акад. В. В. Виноградов, «система возвратных значений представляет разительный пример «лексикализации» грамматических отношений»¹⁵.

Не менее яркие случаи лексикализации грамматических значений, связанные с образованием наречий из форм косвенных падежей существительного. Ср.: *авансом, гуртом, бобриком, ежиком, ощупью, боком, рысью, галопом, рядом, капельку, крошечку* и др.

Эти формы в метафорическом или расширенном их употреблении перестают расцениваться как одна из форм склоняемого имени и показатель падежа рода и числа—флексия—перерастает в словообразовательный формант наречия. Обособление одной формы вызвало утрату живой соотносительности со всей системой словоизменения.

Если при грамматизации лексического значения грамматический формант «начинает своеобразно отрицать свое собственное первоначальное значение»¹⁶, то при лексикализации грамматической приметы последняя отрицает свое прежнее, грамматическое значение и утверждает новое, лексическое значение.

Процессы переходности, таким образом, имеют в языке не только различные исторические стадии, но и различные типы. Общая закономерность, охватывающая все типы, сводится к тому, что «на фоне переходных случаев в области частей речи (и не только частей речи.—Р. М.) резче вырисовываются важнейшие устойчивые особенности каждой из категорий слов»¹⁷.

В плане рассматриваемых вопросов наибольший интерес представляют служебные слова вторичного образования, так как будучи результатом грамматикализации лексически однозначных слов, они в то же время в очень своеобразном виде представляют и процесс лексикализации. Это следует понимать в том смысле, что они при всей формализации отражают свои лексические первоисточники, выявляют свою «внутреннюю форму».

¹⁵ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 651.

¹⁶ Р. А. Будагов, Некоторые вопросы теории словообразования в романских языках, «Доклады и сообщения Инст. языкознания», 1952, I, стр. 106.

¹⁷ М. С. Бунин, Из наблюдений над вторичными предлогами совр. русск. лит. яз., «Ученые записки Моск. Гор. пед. ин. им. Герцена», 1954, т. 33, вып. 3, стр. 43.

Таким образом, лексическое «опустошение» и лексическое «наполнение» — два противоположных процесса одного и того же внутреннего содержания. Как в первом, так и во втором случае мы имеем дело с семантическим сдвигом, с семантическим содействием и противодействием.

ՔԱՌԱՅՈՒՄ ԵՎ ՔԵՐԱԿԱՆԱՅՈՒՄ

2. Ս. ՄԱՐԳԱՐՅԱՆ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Իմաստային տեղաշարժը երկու հակադիր պրոցեսների՝ բառացման և քերականացման հիմքն է։ Քերականացման ենթակա են բազմաթիվ բառեր։ Բառի իմաստային բովանդակությունը կարող է այդ պրոցեսին օժանդակել կամ հակադրել։ Քերականացման պրոցեսն արտահայտվում է նրանով, որ ինքնուրույն բառը, լիովին կամ մասամբ, կորցնելով իր իմաստային ինքնուրույնությունը հանդես է գալիս սպասարկու ֆունկցիայով որպես այս կամ այն քերականական հարաբերության ձևական ցուցանիշ։ Բառացման դեպքում կատարվում է հակառակ պրոցես՝ ձևական ցուցանիշը ձեռք է բերում իմաստային ինքնուրույնություն և դառնում բառային միավոր։

Ինչպես առաջին, այնպես էլ երկրորդ դեպքում տեղի է ունենում իմաստային տեղաշարժ, սակայն այդ տեղաշարժը կատարվում է հակադիր ուղղություններով՝ մի դեպքում իմաստային «ամայացում», մյուս դեպքում՝ իմաստային «լիցք»։